

Рецензия

УДК 230.1

DOI: 10.25803/26587599_2023_45_172

А. П. Патракова

**Рецензия на книгу: Миллер Ч.
Дар мира. Введение в богословие
Думитру Станилоае**

Москва : Издательство ББИ, 2021. XVI, 192 с.

Патракова Алина Павловна, канд. филос. наук, старший преподаватель, секретарь кафедры богословия, Свято-Филаретовский институт; старший преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, alina.patrakova@sfi.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9270-4341> / Patrakova Alina Pavlovna, Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, secretary of the Theology Department, St. Philaret's Institute; Senior Lecturer, Faculty of Cultural Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, alina.patrakova@sfi.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9270-4341>

для цитирования: Патракова А. П. Рецензия на книгу: Миллер Ч. Дар мира. Введение в богословие Думитру Станилоае. Москва : Издательство ББИ, 2021. XVI, 192 с. // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 45. С. 172–181.
DOI: 10.25803/26587599_2023_45_172.

FOR CITATION: Patrakova A. P. (2023). "Book review: Charles Miller. The Gift of the World. Introducing the Theology of Dumitru Stăniloae. Moscow : St. Andrew's Biblical Theological Institute, 2021. XVI, 192 p.". *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, 2023, iss. 45, pp. 172–181. DOI: 10.25803/26587599_2023_45_172.

© Патракова А. П., 2023

Книга англиканского священника Чарльза Миллера посвящена догматическому богословию румынского священника Думитру Станилоае (1903–1993). Автор ставит перед собой скромную задачу — ввести читателя в содержание фундаментального трехтомника Станилоае «Православное догматическое богословие» и помочь прикоснуться к его богословскому методу. Миллер предлагает рассматривать свою книгу как «букварь» для желающих «настроиться на волну» Станилоае (с. XIV). При этом книга, несомненно, превосходит масштаб поставленной задачи, предлагая ясную и последовательную систематизацию богословской мысли Станилоае. Основное внимание уделяется теме мира как дара, в которой Миллер видит один из ключей к прочтению наиболее значимых сочинений Станилоае, таких как «Православное догматическое богословие» и «Православная духовность». Миллер поясняет, что с момента выхода в свет первого издания этой книги прошло двадцать лет, и указывает на ряд важных дополнений.

Книга состоит из семи глав, предваряемых предисловием к русскому изданию и введением, и завершается общим заключением. Кроме того, в работу включены приложение, в котором представлена структура «Православного догматического богословия», избранная библиография, список часто цитируемой литературы, предметный указатель и указатель имен.

В первой главе «Думитру Станилоае (1903–1993). Человек и его мир» (с. 9–30) Миллер характеризует религиозный и культурно-исторический контекст, в котором происходило становление румынского богослова. Автор в первую очередь указывает на промежуточное положение Румынии между христианскими Западом и Востоком. Особое место Румынии в христианском мире подтверждается не только ее историей, но и языком, который оказался фактически единственным среди языков православных стран, укорененным в латыни и принадлежащим к романской группе. Среди исторических областей Румынии Трансильвания, откуда родом о. Думитру, выделяется особой многоконфессиональной культурой, будучи пространством пересечения разнообразных религиозных влияний.

Культурно-исторический контекст позволяет Миллеру сформулировать основные черты, присущие этосу румынского православия, которое сам Станилоае характеризовал как «восточное латинство». Это прежде всего — этос духовного равновесия [*Costa de Beauregard*, 23], срединный путь, на котором

не приветствуются крайности. Кроме того, румынскому православию присущи «умное вчувствование» в тайну Бога в сочетании с мягкой, сдержанной жизнерадостностью. Миллер стремится показать, как эти особенности мировосприятия определяют склонность о. Думитру к тому, чтобы избегать крайностей в своей богословской рефлексии, обретая труднодостижимое равновесие.

Далее в подглавах «Осмысление традиции» и «Богословское обращение» Миллер описывает причины и обстоятельства, по которым Станилоае коренным образом пересматривает свой богословский подход, отказываясь от схоластических методов ради стремления «соединить смысл церковных догматов с внутренней жизнью человека» [*Costa de Beauregard*, 28]. Миллер соглашается с историком-византинистом, д-м теологии Свято-Сергиевского института в Париже прот. Марком-Антуаном Костой де Борегадом в том, что последующим сочинениям Станилоае присущи экзистенциальная направленность и динамизм мысли [*Costa de Beauregard*, 28]. Миллер видит в книге «Иисус Христос, или Восстановление человека» (1943) пример впечатляющей новизны богословской мысли Станилоае. С одной стороны, в этом труде отчетливо прослеживается влияние прп. Максима Исповедника (богословие творящего Логоса и космического преображения). С другой стороны, в ней обозначены темы, нашедшие свое продолжение в более поздних трудах румынского богослова, в том числе оригинальное богословие ипостаси и представление о человеке как вечной личности.

Автор также достаточно подробно останавливается на биографии Станилоае. Миллер обращает внимание на удивительный факт, что послевоенные годы в Румынии, несмотря на крайне неблагоприятные общественно-политические условия и упадок книжной культуры, оказались весьма плодотворным временем для богословской мысли о. Думитру. Более того, автор книги характеризует Станилоае как «ключевую фигуру ошеломительного религиозного возрождения тех лет» (с. 24). Первую главу Миллер завершает описанием фундаментального сочинения Станилоае «Православное догматическое богословие».

Во второй главе «Творение и опыт встречи с Богом» (с. 31–45) Миллер обращается не только к вышеупомянутому труду, но и к другим богословским и пастырским сочинениям Станилоае, чтобы показать разнообразные аспекты темы творения — одной из наиболее значимых в его богословском наследии.

Понимание творения как откровения, теофании лежит в основании всего богословия Станилоае. По мысли о. Думитру мир прозрачен и подобен оправленной линзе, сквозь которую сияет божественный свет. Здесь Миллер снова указывает на преемственность взглядов Станилоае по отношению к идеям прп. Максима Исповедника: румынский богослов отказывается от представлений об автономности творения, способного существовать вне божественных энергий. Богословский подход о. Думитру, по мнению автора, отличается «параллелизмом» природного и надприродного, указанием на сообразность тварного и сверхъестественного порядков и взаимосвязь между «естественным откровением» и «сверхъестественным откровением». В связи с этим Миллер также кратко комментирует введенное Станилоае понятие «естественный догмат».

В третьей главе «Литургия разума: догмат и богословие» (с. 47–67) изложены взгляды Станилоае на то, какое место занимает творение по отношению к Богу и Его икономии, а также на то, какова роль сотворенной человеческой личности в воплощении этого замысла. В связи с этим освещаются вопросы о том, как в богословии находит свое выражение свобода, присущая человеческой личности, и как эта свобода уравнивается ответственностью человека за мир.

Миллер характеризует контекст, в котором Станилоае рассматривает природу догмата и богословия и обосновывает их непосредственную взаимосвязь через пневматологическое понимание Церкви. Кроме того, автор выявляет наиболее значимые особенности подхода Станилоае к пониманию догмата: динамичность, отказ от объективации Бога. Далее отмечается принципиальная особенность, состоящая не в историко-критическом, но личностном ключе. Особое внимание Миллер уделяет тому, как в богословии Станилоае раскрывается личностный подход к пониманию догмата. Так, обращаясь к тринитарной и христологической динамике единства в многообразии, румынский богослов говорит о личности как единстве в бесконечном богатстве, разнообразии и новизне. В этом смысле примечателен взгляд Станилоае на воплощенного Христа как на «живой догмат», «живое выражение всей догматики». Здесь Миллер обращает внимание еще на одну выразительную метафору, которая встречается в трудах Станилоае: христианские догматы подобны окнам в Божью реальность — реальность любви, общения, взаимного доверия. Подлинное постижение догматов возможно, только когда

христиане видят в них любовь. Именно такое личностное понимание догмата может быть главным источником христианской свободы.

Продолжая рассуждение о том контексте, в котором Станилоае прослеживает неразрывную взаимосвязь догмата и богословия, Миллер обращается еще к одной фундаментальной теме — молитва и богослужение православной церкви, формирующие этот контекст. Догмат становится опытом именно в литургии, поскольку в ней христиане обретают опыт встречи со Христом, Который присутствует и действует в знаке, символе, керигме и таинстве (с. 61–62). Здесь Миллер заимствует термин о. Иона Бриа, который, интерпретируя взгляды Станилоае, называет богословие «интеллектуальной литургией» [Bria, 55] и подчеркивает его доксологический характер. По выражению самого о. Думитру, речь идет о «литургиях не только человеческого интеллекта, но и человеческого сердца и тела», которые «объединены в поклонении Христу, живому догмату, в котором богословие берет свое начало и находит свое завершение» [Stăniloae 1978, v. 1, 102].

В этой главе Миллер также рассматривает взгляды Станилоае на роль богословия в соотнесении с теми историческими обстоятельствами, в которых оно призвано раскрываться. Здесь примечательно понятие «секулярного богословия», что для о. Думитру связано с внимательным отношением к потребностям и вызовам своего времени. В противном случае богословие рискует остаться в ловушке понятий и формулировок прошлого.

Глава завершается кратким упоминанием о двух важных триадах в богословской мысли Станилоае. С одной стороны, говорится о вере, надежде и любви как богословских добродетелях. С другой стороны, отмечены три признака, которые, по мнению о. Думитру, отличают истинное богословие: оно должно быть апостольским, современным и пророческо-эсхатологическим.

В четвертой главе «Открывая заново космическое христианство» (с. 69–84) рассматривается тема мира как дара в контексте взаимной соотнесенности мира и человека. Прежде всего, автор указывает на тему солидарности между человечеством и природным миром, которой Станилоае уделяет достаточно много внимания с целью обосновать, что тварный мир играет исключительную роль в освящении и обожении человека.

Далее Миллер поясняет особенности богословствования Станилоае о мире как даре. Под даром о. Думитру понимает

не столько некую вещь, сколько опыт взаимодействия личностей, их раскрытия друг другу. Иными словами, целью и смыслом дара является общение любви. Миллер показывает, как Станилоае применяет динамичное понятие «диалог дарения» [Stăniloae 1978, v. 1, 341] в своей богословской рефлексии по поводу отношений Бога, человека и мира. Для о. Думитру мир вовсе не безличный контекст общения между Богом и человечеством, но дар от Бога людям, среда для «диалога дарения» и духовного возрастания человечества. Само сотворение мира стало первым проявлением такого «диалога дарения». С самого начала предназначение мира в том, чтобы быть беседой Бога с человеком [Stăniloae 1978, v. 1, 340].

Изнутри такого взгляда на творение, как далее показывает Миллер, можно понять то содержание, которое Станилоае вкладывает в понятие естественного священства. Речь идет о призвании властвовать над тварным миром. Однако это следует понимать не в категориях господства и подчинения, как нередко интерпретировались слова из Быт 1:28, но в понятиях взаимной необходимости и ответственности. Миллер также обращает внимание на дерзновенную мысль о. Думитру о том, что тварный мир обладает невероятной податливостью, проявляя себя как «пластическую рациональность, которой человеческое сознание может придать в принципе любую форму» [Stăniloae 1978, v. 1, 327]. В этом отношении столь же дерзновенными могут показаться взгляды Станилоае на науку и технологии. Так, Миллер упоминает о положительном восприятии о. Думитру современных научных открытий как одного из измерений естественного священства и движения к богоуподоблению, поскольку наука беспрецедентным образом позволяет выявить пластичность этого мира.

Анализ понятия «естественное священство» позволяет Миллеру характеризовать оригинальные взгляды Станилоае на человеческий труд. Если в христианской традиции издавна преобладает представление о том, что труд есть следствие отдаления человека от Бога, то для о. Думитру труд в самых разных своих проявлениях раскрывается как то, что обладает духовной ценностью и богословской глубиной, как то, что может быть источником радости. Миллер усматривает здесь в том числе стремление румынского богослова предложить христианский ответ на вызовы марксистской идеологии его времени, в рамках которой принято мыслить о «человеке трудящемся», чья задача — преобразовать

природу для своих нужд. В богословии Станилоае труд христианина, так же как и его мышление и воображение, призван содействовать преобразованию природного мира в ответный дар человека Богу.

В этом контексте становится яснее та мысль Станилоае, которой Миллер завершает четвертую главу, — мысль о призвании богословия в эпоху научно-технического прогресса. Не отрицая риски порабощения человека технологиями, о. Думитру отстаивает мысль о том, что наука и технологии могут не только подчиняться человеку, но и содействовать ему в обретении свободы во Христе. Так, богословие «призвано избавить человека от ощущения, будто он раздавлен технологиями, подобно тому, как Евангелие и учение отцов избавили его от ощущения, будто он зависит от капризных духов, которые делали с природой все, что им вздумается» [Stăniloae 2003, 225].

В пятой главе «Христос, творение и крест» (с. 85–101), в ответ на критические замечания в адрес Станилоае, усматривающие чрезмерный оптимизм в богословии творения, Миллер обращается к богословию креста в наследии о. Думитру, указывая на его особый интерес к сотериологическому видению распятого Бога. С одной стороны, Миллер находит сходство в богословии креста у Лютера и Станилоае. С другой стороны, выявляет существенные отличия идей Станилоае о кресте от лютеранской традиции, напоминая, что для румынского богослова принципиальна неразрывная связь между естественным откровением и откровением сверхъестественным.

Подчеркивая взаимосвязь между богословием творения и богословием креста у Станилоае, Миллер отмечает, что они переплетаются как раз через тему тварного мира как дара. Для румынского богослова понимание творения как дара неразрывно связано с крестом, который, в свою очередь, образует нерасторжимое единство с воскресением. Иными словами, крест и воскресение понимаются как две стадии осуществления божественной силы. Во Христе весь мир, а также опыт человека, его жизнь и даже смерть снова становятся прозрачными для Бога. Миллер также указывает на пересечение богословия креста в сочинениях Станилоае с его рассуждениями о Святом Духе. В частности, приводится мысль о том, что через крест Дух изливает нетварные энергии на творение.

В шестой главе «Дар мира и восхождение к Богу» (с. 103–126) поднимаются вопросы, связанные с христианской аскетикой.

Миллер стремится показать, как в трудах о. Думитру раскрываются возможные пути «нового аскетизма», цель которого — исцелить искаженные отношения между падшим человечеством и падшим миром. В этом свете человеческий труд призван стать беседой, диалогом любви между Богом и людьми.

Миллер указывает на то, что Станилоае заимствовал у Псевдо-Дионисия Ареопагита трехступенчатый образ духовного пути человека (очищение — просвещение — обожение). Препятствиями к этому единению Бога и человека являются грехи и страсти, которые Станилоае рассматривает как «перенос интенциональности», когда направленность человеческого сознания смещается с Бога на самого себя. В результате такого сдвига жизнь человека становится раздробленной, непрозрачной, одномерной по отношению к другим и к миру. Одержимость какой бы то ни было страстью проявляется в первую очередь в эгоцентризме, а также характеризуется зависимостью и невежеством. Человеческая энергия, искаженная грехом, должна заново быть направлена в свое созидательное русло.

Следующий важный этап духовного пути — просвещение человека — связан для Станилоае с обретением «символического понимания мира» (символ как «мост между двумя мирами» [*Stăniloae 2002, 205*]). Здесь Миллер указывает на сходство между о. Думитру и Н. А. Бердяевым. Развивая идею «символического понимания мира», Миллер анализирует понятия разума, чувствительности и интуиции в рефлексии Станилоае и завершает главу его тезисами о святости как наивысшей степени прозрачности в общении с Богом, ближним и миром.

В седьмой главе «Творение, таинство и церковь» (с. 127–153) Миллер ставит перед собой задачу соотнести тему творения как дара и тему священнической роли человечества с христологическими тезисами Станилоае. Для этого автор обращается к богословию таинств (в первую очередь евхаристии) в наследии о. Думитру.

В сакраментологии Станилоае делает акцент на людях как активных участниках таинств. Иными словами, таинство в первую очередь определяется взаимодействием человеческих личностей. Горизонтальная связь между человеком и творением также является элементом сакраментального действия. Миллер характеризует сакраментальную антропологию Станилоае, в основании которой лежит идея прп. Максима Исповедника о человеке как связующем звене в творении [*Stăniloae 1978, v. 3, 10–11*].

Так, в человеке как микрокосме и посреднике раскрывается та фундаментальная динамика, которая присуща таинствам, а именно — соединение духа и материи и духа для осуществления цели Логоса.

Миллер прослеживает, как обращение к богословию евхаристии связано с вышеназванными темами «диалога дарения» и священнического призвания человечества, а далее говорит об эклизиологических аспектах в мысли о. Думитру. Так, речь идет о восстановлении онтологической и экзистенциальной связи человечества со Христом в церковных таинствах. Для Станилоае евхаристия являет собой диалог дарения, в котором Христос есть совершенный Дар людям от Бога-Отца.

Таким образом, можно увидеть, что Миллер показывает многообразие сюжетов в богословии о. Думитру Станилоае. Тема мира как дара — своего рода ключ к пониманию наследия румынского богослова. Миллеру удастся не просто предложить систематический обзор ключевых вопросов, но действительно «настроиться на волну» румынского богослова, передать его особенное мировосприятие, которое бывает трудно выразить словами или оценить по достоинству. Так, например, можно согласиться с метким наблюдением автора об особенностях стиля Станилоае, когда неискушенному читателю может показаться, будто он «вошел на середине долгого разговора, который непонятно с чего начался и к чему приведет» (с. 33). Как замечает автор, при более внимательном прочтении становится возможным увидеть за внешней непосредственностью стиля безукоризненную логику.

Миллер также обращает внимание на уникальную, по его мнению, особенность о. Думитру в ряду богословов XX в., состоящую в том, что ему удастся сочетать масштабное богословское видение с вниманием к насущным вопросам молитвы и жизни церкви.

Учитывая то, что значительная часть многочисленных трудов румынского богослова пока недоступна русскоязычному читателю, книгу Чарльза Миллера можно приветствовать как хорошую возможность познакомиться хотя бы в общих чертах с опытом о. Думитру и увидеть его в более широком контексте — как теологическом, так и церковно-общественном.

Литература / References

1. Bria = Bria I. (1981). "The Creative Vision of D. Staniloae. An Introduction to His Theological Thought". *The Ecumenical Review*, 1981, v. 33, iss. 1, pp. 53–59.
2. *Costa de Beauregard* = Costa de Beauregard M.-A. (1983). *Dumitru Stăniloae: "Ose comprendre que Je t'aime"*. Paris : Cerf.
3. *Stăniloae 1978* = Stăniloae D., priest (1978). *Teologia Dogmatică Ortodoxă* : In 3 v. București : Institutul Biblic.
4. *Stăniloae 2002* = Stăniloae D., priest (2002). *Orthodox Spirituality*. South Canaan : St. Tikhon's Orthodox Seminary Press.
5. *Stăniloae 2003* = Stăniloae D., priest (2003). *Theology and the Church*. Yonkers, NY : St. Vladimir's Seminary Press.

Рецензия поступила в редакцию 10.01.2023; принята к публикации 18.01.2023